

**ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ГЛАВНОЙ
СРЕДИ ФУНКЦИЙ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА?
IS THE COMMUNICATIVE FUNCTION THE MAIN FUNCTION
OF NATURAL LANGUAGE?**

Аннотация. В статье оспаривается тезис о приоритете коммуникативной функции в спектре функций языка. По мнению автора статьи, коммуникативная функция – это лишь одна из важных функций языка. В речевой деятельности взаимодействуют мыслеформирующая, моделирующая и коммуникативная функции языка, ни одна из которых не является безусловно доминирующей.

Abstract. The author disputes the statement about priority of the communicative function in the range of language functions and supports the view that it is just one of the important functions of language. In speech production, the thought-forming, modelling, and communicative functions of language interact, none of them being unconditionally predominant.

Ключевые слова: Коммуникативная / мыслеформирующая / кумулятивная функции языка, языковое пространство, формирование и формулирование мысли, моделирование действительности

Keywords: Communicative / thought-forming / cumulative functions of language, language space, thought formation and formulation, modelling of reality

В советские годы, когда учение марксизма-ленинизма выступало в роли философско-методологической базы всей науки в нашей стране, отечественная лингвистика равнялась на ленинскую формулировку «Язык есть важнейшее средство человеческого общения» [10, с. 289]. Она считалась основополагающим определением языка и в значительной степени задавала главное направление лингвистической мысли в нашей стране. В спектре функций языка ведущая роль отводилась коммуникативной функции. Под воздействием этой установки язык рассматривался отечественными лингвистами в первую очередь как инструмент общения. В частности, С.Г. Тер-Минасова, процитировав ряд определений языка, ставящих коммуникативную функцию во главу угла, заключила: «Итак, все определения... сходятся в главном: язык – это средство общения ... Разумеется, у него есть и другие функции, но эта – самая основная» [21, с. 11].

О единодушии отечественных лингвистов во взглядах на этот вопрос свидетельствует и А.А. Назарова: «Есть немалое число монофункционалистов, считающих, что язык выполняет всего лишь одну функцию... Единственной функцией языка... считается коммуникативная... Другие сторонники монополии коммуникативной функции не отрицают наличия у языка и иных назначений, но считают, что все они так или иначе покрываются именно этой функцией. А если признаётся наличие у языка нескольких функций и возникает необходимость установить иерархию среди них, то первостепенной признана коммуникативная функция. Язык – средство общения в первую очередь» [14, с. 75].

Эти утверждения лишь на первый взгляд представляются бесспорными; более пристальный взгляд позволяет обнаружить их дискуссионный характер. Мы не считаем несомненным утверждение о безоговорочном приоритете коммуникативной функции в спектре

функций языка и, как следствие, о второстепенности остальных его функций. Функция верbalного обеспечения обмена информацией представляет собой только одну из ряда столь же важных функций, выполняемых языком в пространстве культуры.

Возвращаясь к ленинской формулировке из его статьи о праве наций на самоопределение, подчеркнем: она, как правило, цитируется лингвистами в изоляции от ее первоначального контекста. Контекст таков: «Для полной победы товарного производства необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке... Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка... есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого... торгового оборота» [10, с. 7].

Учитывая этот исходный контекст, мы имеем основания заключить: В.И. Ленин в вышеупомянутой статье не имел намерения давать определение языка. Он только обратил внимание читателей на то, что наличие общего средства общения составляет необходимое условие для консолидации жителей страны в единую нацию, роста товарного производства и торгового оборота. Он указал на ту из многочисленных функций языка, которая была значима при рассмотрении совершенно определенного социально-экономического вопроса. В.И. Ленин **не** задавался целью решать лингвистические задачи в статье по политэкономии. Судя по его трудам, он прекрасно разбирался в логике. Если бы он задумал создать определение языка, то он позабочился бы о том, чтобы его формулировка отвечала требованиям, которые логика предъявляет к определениям, и прежде всего требованию содержать **все** категориальные признаки определяемого объекта. Но ленинская формулировка указывает лишь на **один** категориальный признак языка (язык – средство общения), что соответствует задачам его статьи, но не отвечает требованиям, предъявляемым к определениям.

Обсуждая формулировку В.И. Ленина, В.Б. Касевич сделал вывод: «Из этого следует,... что центральная функция языка – это функция общения, или коммуникативная» [8, с. 5]. Но мы не видим оснований для такого вывода. Он отодвигает на задний план присущие языку функции формирования и понимания мысли. На наш взгляд, это равносильно тезису о том, что при производстве, транспортировке и потреблении продукции главное – это транспортировка.

Можно вполне согласиться с тем, что в ряду средств общения словесный язык – важнейшее средство. Это-то и отметил В.И. Ленин. Но из этого факта логически не следует ни то, что коммуникативная функция – важнейшая в ряду функций словесного языка, ни то, что она – не важнейшая. Мы имеем дело с двумя отдельными рядами: рядом средств общения (словесный язык, язык жестов, пиктография, система флаговой сигнализации и т.д.) и рядом функций словесного языка (моделирующая, кумулятивная, коммуникативная и т.д.). Статус важнейшего средства человеческого общения (в ряду средств общения) может обеспечиваться как важнейшей, так и не важнейшей функцией словесного языка (в ряду его функций).

Мы отнюдь не хотим сказать, что формулировка В.И. Ленина ошибочна. Напротив, она глубоко верна. Язык – действительно важнейшее средство общения. Но из этого факта логически **не** вытекает безусловное доминирование коммуникативной функции над всеми остальными языковыми функциями.

Далее, мы согласны с тем, что функция обеспечения общения относится к числу основных. Но есть основания полагать, что коммуникативная функция является не единственной главной, а **одной из** важных функций языка; она стоит в одном ряду с такими функциями, как формирование и формулирование мысли, накопление знаний о мире и моделирование действительности. Перечисленные функции не менее значимы, чем коммуникативная.

Следует принять во внимание, что мышление носит в той или иной мере диалогический характер (об этом писали М. Бубер, М. Хайдеггер, М.М. Бахтин, В.С. Библер и др.) и в этом ракурсе рассматривается как аутокоммуникация. Но считать мышление разновидностью коммуникации было бы, на наш взгляд, перебором; «замкнутость на себя» всё же не является универсальной чертой всякого мышления и его ключевой характеристикой. Что касается

определения языка, мы считаем нужным сделать оговорку: нелегко формулировать исчерпывающие дефиниции очень сложных объектов, поскольку они обладают огромным и притом размытым множеством существенных черт. В таких случаях, по Ф. Энгельсу, «единственной реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция» [24, с. 289].

Всё это касается и словесного языка. Функция обеспечения общения, безусловно, относится к числу его важнейших признаков. Однако словесный язык имеет ряд других важных признаков, среди которых коммуникативную функцию трудно назвать безоговорочно главенствующей. Дело в том, что субъект в процессе мышления начинает с моделирования действительности, с формирования и формулирования мыслей, пользуясь вербальными средствами; затем он передает их реципиенту, а тот осмысливает полученные данные, проводя определенные преобразования в своем когнитивном мире; всё это тоже осуществляется вербальными средствами. Отсюда следует: обмен информацией (коммуникация) представляет собой не более чем срединный этап речевой деятельности, осуществляющейся в языковом пространстве.

Понятие “языковое пространство” нуждается в комментарии. «Нет ничего более естественного, как представлять язык в виде пространства или объема, в котором люди формируют свои идеи», – верно указал Ю.С. Степанов [20, с. 3]. «Описание... языковой системы как особого пространства... отвечает новым представлениям о сути языка и эффективных методах его анализа. Идея языкового пространства поддерживается... современными функциональными исследованиями», – согласилась с его мнением Е.С. Кубрякова [9, с. 13]. Наблюдаемое в наши дни активное развитие концепции языкового пространства служит подтверждением того, что с позиций лингвокогнитивистики вербальный язык целесообразно рассматривать не только как инструмент, но и как знаковое пространство, в рамках которого отражается действительность, создается мысль, накапливаются знания о мире, происходит словесное общение, достигается взаимопонимание ([1; 2; 15; 16] и др.). «Человек, превращающий свои мысли, свои идеи, свои чувства в язык, ... как бы пронизывается этим способом выражения», – отметил А.Н. Толстой [22, с. 402]. Это и значит, что личность человека пребывает в пространстве языка.

Утверждение, что функция обеспечения общения является безоговорочно главной (а то и единственной) функцией словесного языка, подразумевает, что человеческая мысль рождается и формируется почти (а то и совсем) без участия словесного языка. Он якобы вступает в дело лишь после того, как мысль уже готова; остается лишь обозначить готовую мысль словами и внешне манифестирует ее звуковыми или графическими средствами. Но данное утверждение не согласуется с глубоко обоснованными выводами, сделанными в рамках психологии речи ([3; 7; 18] и др.) и психолингвистики ([4; 5; 6] и др.). В перечисленных трудах доказана решающая роль словесного языка в рождении и оформлении мысли.

В структуре **индивидуального** интеллекта в роли элементов фигурируют нейроны. Они объединены в нейронные сети, по которым движутся нервные импульсы, обеспечивая связь между нейронами. Обмен импульсами в нейронной сети – своего рода межнейронная коммуникация. Что касается **коллективного** разума, он организован сходным образом: в качестве элементов фигурируют обладатели индивидуального разума, объединенные в социум с помощью систем (сетей) коммуникации. И в том, и в другом случае коммуникация (в первую очередь словесная) есть способ интеграции элементов в систему. Однако предназначение словесного языка не ограничивается лишь этим. Он является средством обеспечения деятельности интеллекта. «Человеческий разум неотделим от функционирования знаков, а возможно, и вообще интеллект следует отождествить с функционированием знаков», – указал Ч.У. Моррис [13, с. 45]. Словесный язык прежде всего обеспечивает зарождение мысли в голове субъекта (это его мыслеформирующая функция) и только потом – трансляцию созданной мысли

партнерам (это его коммуникативная функция). Иначе нечего было бы передавать. «Без языка не было бы мышления, то есть понимания человеком действительности и себя в ней», – верно указал А.А. Реформатский [17, с. 7].

Бесспорна мысль К. Маркса: в социокультурно-историческом процессе «язык возникает из потребности... общения с другими людьми» [12, с. 29]. Однако следует учесть, что в ходе эволюции языка его значимость многократно увеличивается, и люди оказываются в языковом пространстве, развивая на его базе индивидуальный разум (личность) и коллективный разум (культуру).

Тот факт, что язык по своей значимости для людей выходит далеко за рамки выполнения коммуникативной функции, подчеркнул и Г.П. Федотов: «Язык не есть простое орудие, средство обмена мыслей. Язык – тончайшая плоть мысли, неотделимая от ее природы. И не мысли только, а целостного духа. Поэтому язык есть имя нации как особого духовно-кровного единства, создающего свою культуру, то есть царство идеальных ценностей» [23, с. 116]. Здесь подчеркнута роль языка как средства консолидации людей в социокультурное сообщество, как орудия этногенеза и культурогенеза.

«Коммуникативный аспект речи преувеличен, – полагал Э. Сепир. – Язык является звуковой реализацией тенденции рассматривать действительность символически; именно это свойство сделало его удобным средством общения» [19, с. 226]. Получается, что коммуникативная функция языка вторична по отношению к функции отражения мира с помощью символов (знаков).

В рамках учения Тартуско-московской семиотической школы **функция моделирования действительности** позиционируется как не менее важная, нежели функция обеспечения общения. По Ю.М. Лотману, «язык – не только коммуникативная, но и моделирующая система; обе эти функции неразрывно связаны» [11, с. 21]. Две названных функции состоят друг с другом в отношении эквиваленции: всякая моделирующая система является коммуникативной системой и наоборот. Если бы словесный язык не был средством моделирования окружающего мира, то он не мог бы выступать в роли средства общения.

В трудах представителей упомянутой школы словесный язык именуется **первой моделирующей системой**. Слово *первая* подразумевает, что человеческая ментальность основывается в первую очередь на словесном языке, а остальные семиотические системы являются дополнительными по отношению к нему. Слово *моделирующая* подразумевает, что функция моделирования действительности относится к числу приоритетных наряду с коммуникативной.

Моделирование как способ познания и осмысливания действительности используется во многих областях жизни и деятельности – в научных изысканиях, в художественном творчестве, в промышленности, в быту – и во всех сферах оно имеет свои особенности. Это относится и к моделированию действительности в естественном языке, запечатлевшем в себе многовековой опыт народа – носителя данного языка. Этот опыт зафиксирован в языке в виде культурно-исторических наслоений разных эпох, которые ныне **существуют** в языке одновременно.

В заключение отметим: естественный язык представляет собой форму бытия индивидуального разума (личности) и коллективного разума (этнической культуры). Это обуславливает существование таких феноменов, как языковая личность и лингвокультура, и предоставляет индивидам возможность общаться и достигать взаимопонимания в лингвокультурном пространстве. Функция обеспечения общения, будучи исторически первичной, со временем уступила главенство таким функциям, как мыслеформирующая и моделирующая, хотя и осталась в числе очень важных функций естественного языка.

Список литературы:

1. Бабенко Л.Г. Изучение лексики в пространственном измерении // Русская глагольная лексика: денотативное пространство / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: изд-во Уральского гос. ун-та, 1999. С. 7-21.
2. Веремьева К.М. Представление о лингвистическом пространстве // Rhema / Рема. Электронный научный журнал. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavlenie-ol-lingvisticheskoprostranstve> (дата обращения 16.05.2025).
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.: URSS, 2024. 576 с.
4. Горелов И.Н. Разговор с компьютером. Психолингвистический аспект проблемы. М.: Наука, 1987. 256 с.
5. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин, Р.Г. Котов. М.: Наука, 1982. 159 с.
6. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: изд-во Российского гос. гуманитарного ун-та, 2007. 560 с.
7. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный ин-т, 2001. 432 с.
8. Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, 1977. 183 с.
9. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка: к постановке проблемы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Том 56. № 3. С. 22-31.
10. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // В.И. Ленин. Национальный вопрос: Сборник работ. М.: АСТ, 2025. С. 3-69.
11. Лотман Ю.М. Искусство как язык // Ю.М. Лотман. Об искусстве / под ред. Р.Г. Григорьева. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. С. 19-43.
12. Маркс К. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии // К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Либроком, 2019. 642 с.
13. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. М.: Академический проект, 2001. С. 45-97.
14. Назарова А.А. К вопросу о функциях языка и речи // Гуманитарный вектор. Научный журнал Забайкальского гос. ун-та. Серия: Филологические науки. 2009. № 2. С. 75-79.
15. Панкина Н.Ф. Семантическое пространство языка и подходы к его изучению // Вопросы когнитивной лингвистики. Научный журнал. 2004. № 1. С. 146-149.
16. Попова З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия 1. Гуманитарные науки. 1996. № 2. С. 64-68.
17. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2020. 713 с.
18. Сепир Э. Язык. Избранные труды по языкоznанию и культурологии. М.: Юрайт, 2025. 211 с.
19. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: URSS, 2015. 336 с.
20. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект, 2018. 536 с.
21. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: изд-во Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2008. 352 с.
22. Толстой А.Н. Слово есть мышление // А.Н. Толстой. Собрание сочинений в 10 тт. Том 10. М.: Художественная литература, 1986. С. 401-409.
23. Федотов Г.П. Национальное и вселенское // Г.П. Федотов. Собрание сочинений в 12 тт. Том 2. М.: Мартис; SAM and SAM, 1998. С. 116-121.
24. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: URSS, 2024. 480 с.

